Уличный кот по имени Боб. Как человек и кот обрели надежду на улицах Лондона

Автор:
Джеймс Боуэн

Уличный кот по имени Боб. Как человек и кот обрели надежду на улицах Лондона

Джеймс Боуэн

Уличный кот по имени Боб #1

В этой истории два главных героя – Джеймс Боуэн, уличный лондонский музыкант, и рыжий Боб, уличный лондонский кот. Они были бездомными и одинокими, но однажды повстречали друг друга…

Джеймс погибал от наркотиков и отчаяния, в его жизни не было никакого смысла, пока в ней не появился четвероногий друг, который помог ему справиться с проблемами, принес удачу и стал настоящим ангелом-хранителем.

Теперь Боба и Джеймса (именно в такой последовательности!) прекрасно знают не только жители Лондона, которые встречают их на улицах, в метро и кафе, но и сотни тысяч людей во всем мире. Ролики на Youtube, фотографии на фейсбуке, записи в твиттер, а теперь и книга, написанная Джеймсом Боуэном, рассказывают удивительную историю о дружбе с котом, который изменил его жизнь.

Джеймс Боуэн

Уличный кот по имени Боб. Как человек и кот обрели надежду на улицах Лондона

This edition is published by arrangement with Aitken Alexander Associates Ltd. and The Van Lear Agency

Copyright c James Bowen and Garry Jenkins 2012

© Hayley Chamberlain

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru (http://www.litres.ru/))

Брин Фокс… и всем, кто терял друзей

Глава 1

Родственная душа

Я где-то вычитал известную цитату о том, что каждый день нашей жизни дает нам второй шанс, стоит только руку протянуть, но проблема в том, что мы им не пользуемся.

Большую часть жизни я доказывал справедливость этих слов. Мне подворачивалось немало возможностей, иногда по несколько раз в день. Долгое время я не обращал на них внимания, но все изменилось ранней весной 2007 года. Тогда я подружился с Бобом. Когда я вспоминаю тот день, мне кажется, что, быть может, ему тоже выпал второй шанс.

Впервые мы встретились пасмурным мартовским вечером. Лондон еще не до конца стряхнул с себя зиму, поэтому на улицах стоял промозглый холод, особенно когда ветер дул со стороны Темзы. Поскольку к ночи заметно подморозило, я чуть раньше, чем обычно, вернулся в Тоттенхэм после того, как целый день выступал перед прохожими на площади Ковент-Гарден.

За спиной у меня болтались рюкзак и черный чехол для гитары, а рядом шла близкая подруга Бэлль. Много лет назад мы встречались, а теперь были просто друзьями. В тот вечер мы планировали купить дешевый карри навынос и посмотреть кино на экране маленького черно-белого телевизора, который мне удалось приобрести в благотворительном магазине за углом.

Лифт, как всегда, не работал; мы приготовились к долгому пути на шестой этаж и приступили к покорению первого лестничного пролета. Лампочку на площадке кто-то разбил, поэтому первый этаж был погружен в темноту; тем не менее я заметил в полумраке пару блестящих глаз. А когда услышал тихое жалобное мяуканье, понял, кому они принадлежат.

Наклонившись, я разглядел рыжего кота, свернувшегося клубком на коврике возле одной из дверей. В детстве у нас дома постоянно жили кошки, и я всегда испытывал теплые чувства к этим животным. Рассмотрев мяукающего незнакомца получше, я понял, что передо мной самец. Хотя раньше я его в нашем доме не видел, даже тогда, в полумраке, я мог сказать, что у этого кота есть характер. Он совершенно не нервничал, скорее, наоборот, от него веяло сдержанным спокойствием и невозмутимой уверенностью. Кот явно чувствовал себя на лестничной площадке как дома; судя по пристальному, слегка любопытному взгляду умных глаз, это меня он воспринимал как непрошеного гостя на своей территории. И будто спрашивал: «Кто ты и что привело тебя сюда?»

Я не выдержал, присел рядом с котом и представился.

– Привет, парень. Не видел тебя здесь раньше. Ты тут живешь? – спросил я.

Кот посмотрел на меня с деланым равнодушием, будто прикидывал, стоит ли мне отвечать. Я решил почесать ему за ушком: во-первых, чтобы подружиться, во-вторых, чтобы проверить, нет ли на нем ошейника или других признаков того, что передо мной домашний кот, – разглядеть в темноте, ухоженный он или нет, не представлялось возможным. Мой новый знакомый оказался бродягой; что ж, Лондон может похвастаться большим количеством бездомных котов.

Рыжему почесывание за ухом пришлось по душе: он принялся тереться о мою руку. Погладив его по спине, я нащупал там и здесь несколько лысых пятен. Да, этому коту явно не помешало бы хорошее питание. А судя по тому, как он поворачивался ко мне то одним, то другим боком, порция заботы и ласки тоже была бы нелишней.

– Бедный кошак… думаю, он бездомный. Ошейника у него нет, и посмотри, какой он худой, – сказал я, оглянувшись на Бэлль, которая терпеливо ждала на лестнице. Она знала, что у меня слабость к котам.

– Нет, Джеймс, ты не можешь взять его себе, – сказала она, кивая на дверь квартиры, возле которой устроился кот. – Он не просто так сюда пришел – скорее всего, где-то здесь живут хозяева. Может, он ждет, когда они вернутся домой и пустят его внутрь.

Я неохотно согласился со своей подругой. В конце концов, я не мог просто так взять кота к себе, даже если все и указывало на то, что идти ему некуда. Я сам только недавно сюда въехал и до сих пор пытался навести порядок в квартире. Вдруг в этом доме и правда живут его хозяева? Вряд ли они будут рады узнать, что кто-то присвоил их кота.

Более того, мне только лишней ответственности сейчас не хватало. Музыкант-неудачник, пытающийся избавиться от наркозависимости, едва способный заработать на немудрящую еду и живущий в муниципальной квартире… да я и о себе-то толком позаботиться не мог.

* * *

Выходя из дома на следующее утро, я встретил рыжего кота на том же месте. Очевидно, он провел на коврике последние двенадцать часов – и покидать его не собирался. Опустившись на одно колено, я погладил кота, и тот снова с благодарностью откликнулся на неожиданную ласку. Он мурчал, наслаждаясь вниманием; пусть он держался несколько настороженно, я чувствовал, что он постепенно начинает мне доверять.

При свете дня становилось понятно, что в наш дом забрело роскошное животное. У кота были выразительная морда и пронзительные зеленые глаза; присмотревшись, я заметил на лапах и на голове несколько царапин. Судя по всему, он недавно подрался. И накануне я верно оценил его состояние – кот был очень худым, на шкуре то тут, то там блестели проплешины. Я переживал за рыжего красавца, но вынужден был напомнить себе, что у меня есть куда более важные поводы для беспокойства. С большой неохотой поднявшись с колен, я вышел из дома и сел на автобус до центра Лондона – я снова ехал на Ковент-Гарден, чтобы играть на гитаре перед прохожими в надежде заработать немного денег.

Возвращаясь домой почти в десять вечера, я первым делом оглянулся в поисках кота, но его нигде не было. Признаюсь, я слегка огорчился, поскольку успел привязаться к рыжему. И все же вздохнул с облегчением: наверное, хозяева наконец пришли домой и пустили его к себе.

* * *

Когда на следующий день я спустился на первый этаж, сердце у меня екнуло: кот сидел на прежнем месте перед дверью. Только казался еще более несчастным и потрепанным, чем раньше. Он явно замерз, хотел есть и чуть заметно дрожал.

– Значит, все сидишь тут, – сказал я, поглаживая рыжего. – Неважно выглядишь сегодня.

В тот миг я решил, что это зашло слишком далеко. И постучался в дверь квартиры, облюбованной котом. Я должен был что-то сказать ее обитателям. Если это их питомец, нельзя с ним так обращаться. Его нужно покормить и показать врачу.

Дверь открыл небритый парень в футболке и спортивных штанах. Судя по заспанному лицу, я выдернул его из кровати, хотя время близилось к полудню.

– Прости за беспокойство, друг. Это твой кот? – спросил я.

Несколько секунд он смотрел на меня, как будто я тронулся.

– Какой кот? – поинтересовался он наконец, потом опустил глаза и увидел свернувшегося на коврике рыжего.

– А. Нет, – сказал он, равнодушно пожав плечами. – В первый раз его вижу.

– Он тут уже несколько дней сидит, – настаивал я, но получил в ответ лишь пустой взгляд.

– Да? Еду, наверное, учуял или что-то типа того. Но я его в первый раз вижу.

И парень захлопнул дверь.

А я уже знал, что делать.

– Значит так, друг, ты пойдешь со мной, – сказал я, залезая в рюкзак в поисках коробки с крекерами – я специально таскал ее с собой, чтобы угощать кошек и собак, которые подходили ко мне, когда я играл на гитаре.

Стоило мне потрясти коробкой, как кот вскочил, всем своим видом выражая готовность идти за мной. Я заметил, что он не очень хорошо держится на ногах и подволакивает заднюю лапу, поэтому нам потребовалось время на то, чтобы преодолеть пять лестничных пролетов. Но через несколько минут мы с котом уже заходили в квартиру.

Жилище мое, откровенно говоря, богатством обстановки не отличалось. Из мебели, помимо телевизора, были только подержанный раскладной диван и матрас в углу маленькой спальни; в кухонной зоне стояли тостер, микроволновая печь и холодильник, грозившийся вот-вот испустить дух. Никакой плиты. Помимо вышеперечисленного квартиру заполняли книги, видеокассеты и масса безделушек.

Признаюсь, по характеру я сорока: постоянно тащу в дом всякие вещи с улицы. На тот момент я мог похвастаться стоявшим в углу раздолбанным парковочным автоматом и сломанным манекеном в ковбойской шляпе. Один друг как-то назвал мой дом «лавкой древностей», но кот эти «сокровища» вниманием не удостоил, сразу устремившись на кухню.

Добыв в холодильнике пакет с молоком, я налил его в миску и добавил чуть-чуть воды. Я знал, что – вопреки общепринятому мнению – молоко может навредить кошкам, поскольку они, вообще-то, не переносят лактозу. Кот вылакал угощение за считаные секунды.

В качестве второго блюда я предложил гостю консервированного тунца, смешанного с крекерами. И снова кот заглотил еду в мгновение ока. «Бедняга, – подумал я. – Наверное, совсем оголодал».

После холодного темного подъезда кот воспринимал мою квартиру как номер класса люкс в пятизвездочном отеле. Ему здесь явно понравилось: утолив голод, он направился в гостиную и свернулся на полу рядом с батареей.

Я воспользовался моментом, чтобы тщательно осмотреть нового друга. У него действительно были проблемы с правой задней лапой: я обнаружил на ней большой гнойник. Судя по размерам раны, на кота напала собака или лиса; животное успело чувствительно цапнуть рыжего, прежде чем ему удалось вырваться. Судя по количеству шрамов (один красовался прямо на морде, рядом с глазом), кот мне попался боевой…

Я обработал лапу, как умел: сунул рыжего в ванну, потом протер увлажняющей салфеткой вокруг гнойника и наложил мазь на саму рану. Другой кот взбесился бы, вздумай я так с ним обращаться, но этот вел себя достойно и стойко терпел все процедуры.

Остаток дня он провел рядом с батареей; уже тогда стало понятно, что это место будет его любимым. Изредка кот вставал и начинал бродить по квартире, запрыгивая на мебель и точа когти об удобные поверхности. Манекен, который он прежде не удостоил вниманием, теперь притягивал его как магнит. Я был не против. Пусть делает что хочет.

Я знал, что рыжие коты отличаются живым характером; моего гостя буквально переполняла энергия. Когда я попытался его погладить, он подпрыгнул и стал молотить меня лапами. Кот так увлекся игрой, что в какой-то момент едва не разодрал мне руку в кровь.

– Эй, тише, успокойся, – сказал я, опуская рыжего на пол.

Я слышал, что молодые некастрированные самцы бывают чрезмерно игривы. Судя по всему, у моего гостя, который недавно достиг половой зрелости, все необходимое было на месте. Конечно, я не мог утверждать наверняка, но этот факт только подтверждал мои догадки о том, что я привел к себе бродягу, а не домашнего потеряшку.

Вечером я смотрел телевизор; довольный жизнью кот грелся у батареи. Когда я пошел спать, он сорвался с места, чтобы свернуться калачиком у меня в ногах. Прислушиваясь к тихому мурчанию рыжего, я порадовался, что он рядом.
В последнее время мне очень не хватало компании.

* * *

В воскресенье я встал пораньше, чтобы пройтись по улицам и поискать хозяина моего нового соседа. Может, кто-нибудь уже развесил по округе объявления о пропавшем коте. Местные фонари, доски для объявлений и даже автобусные остановки вечно пестрели фотографиями потерявшихся питомцев. Их было так много, что как-то раз я даже задумался, а не промышляет ли в нашем районе банда похитителей котов.

Рыжего я взял с собой – на случай, если сразу найду его хозяина. Чтобы он не сбежал, я на скорую руку смастерил поводок из шнурка; но кот не делал попыток вырваться и спокойно спускался со мной по ступенькам.

Зато когда мы вышли из подъезда, он тут же натянул поводок, как будто вспомнил о срочном деле. Я подумал, что ему, наверное, нужно в туалет. Так и вышло: повинуясь зову природы, кот бросился к зеленому пятачку рядом с соседним домом и на пару минут скрылся в кустах. Затем он вернулся ко мне и спокойно позволил вернуть поводок на место.

«А он мне и правда доверяет!» – подумал я и сразу почувствовал, что непременно должен отплатить коту за доверие.

Первым делом мы зашли к даме, проживавшей в доме напротив: она приглядывала за местными кошками, подкармливала бездомных и в случае необходимости отводила их к ветеринару для кастрации. Когда она открыла дверь, я заметил в комнате минимум пять кошек! И бог знает сколько еще обитало на заднем дворе. Казалось, о гостеприимстве этой леди знают все окрестные коты. Интересно, у нее хватает денег, чтобы их прокормить?

Едва завидев рыжего, она прониклась к нему симпатией и поспешила на кухню за угощением. К сожалению, она понятия не имела, откуда он взялся. Мой сосед точно не входил в число завсегдатаев ее заднего двора.

– Наверное, он жил в другой части Лондона. Не удивлюсь, если его привезли сюда и бросили, – сказала она. И пообещала держать меня в курсе, если узнает что-нибудь о пропавшем рыжем коте.

Предположение о том, что мой приятель был не из местных, показалось мне очень верным. Из любопытства я отпустил его с поводка и посмотрел, знает ли он, в какую сторону идти. Но кот предпочел держаться рядом со мной: судя по всему, улицы Тоттенхэма были ему незнакомы. Несколько секунд рыжий растерянно таращился по сторонам, а потом посмотрел на меня, и в его взгляде читалось: «Не имею ни малейшего представления о том, где я. Хочу остаться с тобой».

И все же мы продолжили бродить по улицам. В какой-то момент кот снова устремился в кусты, а я воспользовался моментом, чтобы поспрашивать прохожих, не пропадал ли у них рыжий кот. Но те в ответ лишь качали головой и пожимали плечами.

Кот всем своим поведением демонстрировал, что чувствует себя в моей компании вполне комфортно и уходить не собирается. Пока мы гуляли, я не переставал задаваться вопросами о том, что же с ним случилось: откуда он взялся у нас в подъезде? что за жизнь была у него до того, как он оказался на коврике перед чужой дверью?

Отчасти я был склонен согласиться с «кошачьей леди»: скорее всего, раньше он был домашним. Вероятно, кто-нибудь получил очаровательного котенка в подарок на Рождество или на день рождения. Рыжие бывают довольно несносными (куда более несносными, чем другие коты), а уж если их не кастрировать вовремя, они нередко начинают показывать характер и претендовать на главенство в семье. Подозреваю, когда мой подопечный проявил свой буйный нрав, бывшие владельцы решили, что с них хватит.

Я представил, как родители говорят ребенку, что «всему есть предел!», закидывают кота на заднее сиденье семейной машины и, вместо того чтобы пристроить его в приют или найти новых хозяев, увозят подальше от дома, чтобы бросить в переулке или где-нибудь на обочине.

У кошек великолепно развито чувство направления, но рыжего явно увезли на достаточное расстояние, чтобы он не мог найти обратную дорогу. Хотя не исключено, что кот понял: на прежнем месте ему не будут рады – и решил найти новый дом.

Еще у меня была версия, что раньше он жил у какой-нибудь старой леди, которая тихо скончалась. Хотя вполне возможно, я ошибался и кот бродяжничал с самого рождения. Для кого-то это стало бы существенным доводом, чтобы отправить животное обратно на улицу. Но чем лучше я узнавал рыжего, тем яснее понимал, что он привык жить рядом с людьми. И тянулся к тем, кто может о нем позаботиться. Поэтому кот так легко пошел за мной.

Главной подсказкой о прошлом рыжего была его рана, которая, несмотря на мои вчерашние старания, по-прежнему выглядела не слишком хорошо. Он явно получил ее в драке. Судя по состоянию гнойника, это случилось несколько дней, а то и неделю назад. Что ж, в Лондоне всегда обитало немало бездомных животных; они бродили по улицам, довольствуясь объедками и редкими подачками сердобольных горожан. Пять-шесть веков назад такие места, как Грэшем-стрит в Сити, Слеркенвэлл-Грин и Друри-лейн были известны как «кошачьи улицы». На них было не протолкнуться от бездомных котов. Каждый день они сражались за выживание с такими же бродягами. И многие, наверное, были похожи на моего рыжего знакомца – потрепанные, сломленные обстоятельствами существа.

Может, он почувствовал во мне родственную душу?..

Глава 2

Путь к выздоровлению

Мне всегда казалось, что я неплохо понимаю кошек, поскольку общался с ними с самого раннего детства. У нас в семье было несколько сиамских, а в какой-то момент мы даже завели красавицу черепахового окраса. По большей части у меня сохранились теплые воспоминания о наших питомцах, но, как водится, прочнее всего в голове засело самое плохое.

Хотя я вырос в Англии, некоторое время наша семья жила в местечке Крейги в западной части Австралии. Там мы завели очаровательного белого, пушистого котенка. Не помню, где мы его взяли – возможно, у местного фермера. Как бы то ни было, в родном доме котенку приходилось несладко. По неизвестной причине прежние хозяева не сочли нужным показать его ветеринару, поэтому к нам малыш попал с «приданым» в виде огромного блошиного семейства.

Правда, мы не сразу узнали о «подарке». У котенка был густой белый мех, так что блохи свободно плодились и размножались, не попадаясь нам на глаза. Как известно, эти создания – паразиты, они вытягивают жизнь из других существ, чтобы поддерживать свою. Блохи в буквальном смысле выпили из котенка всю кровь, а мы заметили это слишком поздно. Мама сразу отвезла малыша к ветеринару, но тот уже ничего не мог поделать. У котенка обнаружились множественные инфекции и другие проблемы со здоровьем. Он умер через пару недель после того, как попал к нам в дом. Мне в тот момент было пять или шесть лет, так что смерть котенка стала для меня настоящим шоком. Как и для моей мамы.

В последующие годы я вспоминал несчастного малыша всякий раз, когда видел белую кошку. И в те выходные, когда в моей квартире поселился рыжий кот, история с блохами не выходила у меня из головы. Я видел, что шерсть моего питомца в ужасном состоянии, в отдельных местах она протерлась так сильно, что была видна кожа. И меня не покидало подозрение, что рыжего может постигнуть судьба того белого котенка.

Сидя дома и глядя на нового соседа, я принял решение, что не допущу этого. Вряд ли консервированный тунец, ванна и сон у батареи помогут коту поправить здоровье. Не стоит полагаться только на собственную заботу и отзывчивость: животному необходима помощь специалиста. К тому же я опасался, что недостаточно хорошо обработал рану – и кто знает, какую заразу кот мог подхватить, пока жил на улице? Понимая, что медлить не стоит, я принял решение на следующий день отвести рыжего в ближайшее отделение Королевского общества защиты животных у Финсбери-парка.

Я завел будильник; ранее утро и серый пейзаж за окном не вдохновляли на подвиги, но я запретил себе искать отговорки, встал и накормил кота тунцом с крекерами. Учитывая состояние его лапы, я понимал, что вряд ли рыжий отнесся бы к полуторачасовой прогулке с большим энтузиазмом. Поэтому я решил посадить его в зеленую пластиковую коробку для мусора. Не самый лучший вариант, но других у меня не было. Едва мы вышли за дверь, как кот ясно дал мне понять, что «переноска» ему не нравится. Он метался внутри коробки и изо всех сил пытался выбраться наружу. В конце концов я сдался.

– Ладно, сам тебя понесу, – сказал я, подхватывая кота одной рукой, а в другой продолжая удерживать коробку.

Рыжий шустро перебрался ко мне на плечи и с большим удобством просидел там всю дорогу до ветеринарного центра.

Едва переступив порог здания, я подумал, что попал в ад… Отделение было битком набито посетителями; в основном там сидели покрытые агрессивными татуировками неприветливые бритые подростки со своим зверьем (по большей части – стаффордширскими бультерьерами, получившими травмы в боях с другими собаками, и не исключено, что бои проводились на потеху публике). Люди обычно называют британцев «нацией, которая любит животных». Уж чем-чем, а любовью к животным тут и не пахло. То, как некоторые люди обращаются со своими питомцами, ничего, кроме отвращения, не вызывает.

Кот перебрался ко мне на колени, потом снова залез на плечи. Он нервничал, и я прекрасно его понимал. Почти все собаки в приемной сочли своим долгом злобно рыкнуть на него, а одна или две опасно натянули поводки, пытаясь добраться до рыжего. К счастью, вскоре их вызвали в процедурный кабинет. Каждый раз, когда медсестра появлялась на горизонте, я надеялся, что это за нами, но в результате мы просидели в приемной почти четыре с половиной часа…

Наконец мы с котом услышали долгожданное: «Мистер Боуэн, доктор готов вас принять».

Ветеринар оказался мужчиной средних лет, производившего впечатление человека многое повидавшего и порядком уставшего от жизни. Он посмотрел на меня так, что я сразу почувствовал себя не в своей тарелке (хотя, вполне возможно, причиной моего нервного состояния были несколько часов, проведенных в компании не слишком дружелюбных собак и их не слишком приятных хозяев).

– Так в чем проблема? – сразу спросил ветеринар.

Я понимал, что он просто делает свою работу, но едва удержался от того, чтобы не ответить: «Если бы я знал, меня бы здесь не было». Я сообщил, что нашел кота в подъезде, и показал гноящуюся рану у него на лапе.

– Давайте его осмотрим, – вздохнул ветеринар.

Он видел, что кот мучается от боли, и вколол ему слабое обезболивающее. Потом сказал, что выпишет рецепт на двухнедельный курс антибиотика амоксициллина.

– Если через две недели его состояние не улучшится, жду вас в своем кабинете, – заключил он.

Я подумал, что нужно воспользоваться случаем и спросить ветеринара про блох. Доктор мельком осмотрел кота, но никаких насекомых не нашел.

– И все же, думаю, будет полезно подавать ему лекарство от блох. Молодые коты часто цепляют всяких паразитов, – заметил он.

Я едва удержался от того, чтобы сказать доктору, что прекрасно об этом знаю. Но вместо этого молча дождался, пока он выпишет рецепт. К чести ветеринара, стоит отметить, что он проверил, нет ли на рыжем микрочипа. И ничего не нашел, что в очередной раз подтвердило мою версию насчет уличного прошлого моего нового соседа.

– Вам следует при первой же возможности установить коту микрочип, – посоветовал врач. – И как можно скорее его стерилизовать, – добавил он, протягивая мне брошюру и рекламу бесплатной кастрации бездомных животных.

Вспомнив, как рыжий вчера скакал по квартире и царапался, я кивнул.

– Думаю, это хорошая идея, – улыбнулся я, ожидая услышать в ответ «почему?».

Но доктор, казалось, уже забыл о нашем существовании. Он с отрешенным видом забивал информацию в компьютер и распечатывал рецепты. Мы с котом были для ветеринара лишь очередной деталью на конвейере, которую нужно было обработать и выставить за дверь, освобождая место для следующего пациента. Что ж, я его не винил, поскольку понимал, что так работает система.

Через несколько минут мы вышли из кабинета и направились с рецептами к пункту выдачи лекарств. Стоявшая за прилавком дама в белом халате была чуть более приветливой, чем ее коллега.

– Какой красавец! – восхитилась она. – У моей мамы как-то жил рыжий кот. Лучший друг из всех, кто у нее когда-либо был. Потрясающий темперамент. Сидел у ее ног и флегматично смотрел, как меняется мир. Даже если бы бомба рядом взорвалась, он бы ее не бросил.

Просмотрев рецепты, дама выписала чек.

– С тебя двадцать два фунта, милый, – сказала она.

У меня внутри все похолодело.

– Двадцать два фунта! Да ладно! – воскликнул я. На тот момент все мое состояние ограничивалось тридцатью фунтами.

– Боюсь, что так, милый, – покачала головой дама. Она нам сочувствовала, но заниматься благотворительностью не собиралась.

Я протянул деньги и забрал сдачу. Для меня тридцать фунтов были значительной суммой. Именно столько я обычно зарабатывал за день! Но выбора

не было: не мог же я подвести своего нового друга…

– Судя по всему, нам придется терпеть друг друга еще минимум две недели, – сказал я коту, когда мы отправились в обратный путь. И я не лукавил. Я не собирался избавляться от рыжего, пока он не пропьет все необходимые лекарства. Никто, кроме меня, не будет следить за тем, принял ли кот таблетки, а я пока не мог позволить ему вернуться на улицу, где легко подхватить какую-нибудь заразу.

Не знаю почему, но осознание ответственности за рыжего меня слегка взбодрило. Я почувствовал, что в моей жизни появилась еще одна цель – я получил возможность сделать что-то хорошее для кого-то, помимо самого себя.

Днем я заглянул в ближайший зоомагазин и купил двухнедельный запас нормальной кошачьей еды. В ветеринарном центре мне выдали образец разработанного учеными корма, кот его одобрил, поэтому я купил целый пакет, дополнив им набор обычных консервов. На это ушло почти девять фунтов, после чего я остался практически без денег. И вечером мне пришлось оставить рыжего, чтобы отправиться с гитарой на Ковент-Гарден. Теперь я должен был кормить нас обоих.

Следующие несколько дней я выхаживал кота и заодно знакомился с ним поближе. К тому времени я уже придумал для него имя – Боб. Признаюсь, я позаимствовал идею у любимого сериала «Твин Пикс», одного из героев в котором звали Убийца Боб. Он был шизофреником с раздвоением личности в духе доктора Джекилла и мистера Хайда. Большую часть времени он вел себя абсолютно нормально, но в следующий миг мог потерять над собой контроль и начать творить всякие безумства. Мой кот чем-то его напоминал. В довольном и счастливом состоянии он был образцом спокойствия и благодушия. Но если вдруг у него портилось настроение, кот сходил с ума и начинал метаться по квартире. Как-то вечером я разговаривал с Бэлль, и меня внезапно осенило.

– Он похож на Убийцу Боба из «Твин Пикс»! – воскликнул я, получив в ответ непонимающий взгляд. Но это было уже неважно. Кот обрел свое имя.

К тому времени я окончательно убедился, что раньше он жил на улице. Когда рыжему требовалось сходить в туалет, он наотрез отказывался пользоваться лотком, который я для него купил. Вместо этого приходилось выносить его на

улицу, чтобы он мог уединиться в кустах рядом с домом. Кот бросался в заросли и там справлял нужду, после чего тщательно закапывал следы преступления.

Наблюдая как-то утром за его действиями, я задумался: а что, если раньше он принадлежал цыганам? В нашем районе их было немало; более того, неподалеку от моего дома находилось целое временное поселение цыган. Может, рыжий жил в какой-нибудь семье и отстал от цыган, когда они в очередной раз переезжали… В любом случае, домашним котом в классическом смысле он точно никогда не был.

Зато с каждым днем он все крепче привязывался ко мне. А я к нему. Поначалу кот держался настороженно, но с каждым днем становился все более дружелюбным и все активнее проявлял симпатию. Конечно, изредка он мог и оцарапать, да и приступы безумия никто не отменял, но теперь я знал, что эту проблему решит кастрация.

В нашей жизни появилось некоторое подобие порядка. По утрам я оставлял Боба одного и ехал на Ковент-Гарден, где играл на гитаре до тех пор, пока не набирал достаточно денег. Когда я возвращался, кот сидел у входной двери. Он провожал меня до дивана, и потом мы вместе смотрели телевизор. Я постепенно начинал осознавать, какое умное животное мне досталось. Боб явно понимал все, что я ему говорил! Когда я хлопал по дивану и приглашал его посидеть со мной, он всегда устраивался рядом. Боб также понимал, когда я говорил, что пора принимать лекарства. Правда, смотрел он на меня так, будто хотел сказать: «А это обязательно?» К счастью, больше он никак недовольство не демонстрировал и покорно терпел, пока я клал таблетки ему в рот и аккуратно щекотал горло, чтобы он их проглотил. Большинство кошек попытаются отгрызть вам руку, если вы вздумаете запихнуть что-нибудь им в пасть. Но Боб мне доверял. А я чувствовал, что судьба свела меня с удивительным животным. Никогда прежде я не встречал кота, похожего на Боба.

Нет, мой кот не был идеальным. Он знал, где хранится еда, и совершал регулярные набеги на кухню, переворачивая кастрюли и сковородки в поисках вожделенной добычи. Поскольку упорства ему было не занимать, дверцы шкафов и холодильника вскоре украсили царапины от острых когтей – ради лакомства Боб не отступал ни перед какими преградами.

Но стоит отдать ему должное, значение слова «нет» он тоже понимал.

Мне достаточно было сказать ему: «Нет, уходи оттуда, Боб» – и он уходил. Это в очередной раз доказывало, что мой кот обладает недюжинным умом. И это порождало новые вопросы о его прошлом. Разве уличный котяра будет слушать, что говорит ему человек? Я в этом сомневался…

Меня радовало общество нового соседа, но я постоянно напоминал себе, что следует быть осторожным. Я не хотел слишком сильно привязываться к рыжему, поскольку знал: рано или поздно он захочет уйти. Боб не был похож на кота, которому нравится, что с ним все время носятся. Другими словами, он не был похож на домашнего питомца.

Но пока я назначил себя его хранителем и опекуном и был решительно настроен сделать все от меня зависящее. Я хотел подготовить его к возвращению на улицу, поэтому заполнил заявление на кастрацию, которую мне выдал ветеринар из центра. Потом сунул его в почтовый ящик и всего через пару дней – признаюсь, я был приятно удивлен, – получил сертификат на бесплатную операцию.

На следующее утро я, как обычно, вывел Боба на прогулку – его лоток по-прежнему оставался девственно-чистым. Ну не нравилось рыжему ходить туда в туалет! Зато ему определенно нравились кусты у соседнего дома. По какой-то причине они стали его любимым местом. Подозреваю, это имело отношение к манере котов метить территорию, о которой я прочитал в каком-то научном журнале.

Несколько минут он потратил непосредственно на сам процесс, потом какое-то время уничтожал улики. Меня никогда не уставали поражать опрятность и чистоплотность кошек. Почему для них это так важно?

Убедившись, что все в порядке, Боб устремился было ко мне, как вдруг замер и заметно напрягся, словно увидел что-то. Я обернулся, желая посмотреть, что его так озадачило, но кот меня опередил: он внезапно сорвался с места и бросился вперед со скоростью молнии. Боб бежал так быстро, что на какое-то время превратился в расплывчатое пятно. Прежде чем я успел опомниться, он схватил что-то в траве возле изгороди. Подойдя поближе, я увидел, что кот зажал в лапах небольшую серую мышку. Она отчаянно пыталась вырваться, но шансов у нее не было. Боб крепко держал добычу и теперь собирался вцепиться в нее зубами. Не самое приятное зрелище… Мышиные лапки болтались из стороны в сторону, пока Боб осторожно перемещал зверька в пасти, чтобы окончательно

его придушить. Вскоре случилось неизбежное: маленькое создание испустило дух. А Боб разжал челюсти и опустил его на землю.

Я знал, что должно случиться, но не хотел, чтобы рыжий съедал добычу. Мыши переносили разные инфекции, поэтому я опустился на колени и попытался отодвинуть серую тушку. Бобу это не понравилось; он издал недовольный звук – нечто среднее между ворчанием и шипением – и снова схватил мышь зубами.

– Отдай ее мне, Боб, – сказал я, не собираясь уступать коту. – Отдай ее мне.

Бобу мое предложение не слишком понравилось. «Зачем это?» – читалось в его глазах.

Порывшись по карманам, я достал кусок крекера и протянул коту в обмен на мышь:

– Поверь мне, Боб, это гораздо полезнее.

Хотя мои слова его не убедили, кот все-таки сдался и выпустил добычу. Едва он отошел от мышки, я осторожно поднял ее за хвост и выкинул в ближайшую урну. Эпизод с грызуном напомнил о еще одном замечательном – ну, как мне кажется! – факте: кошки – довольно опасные хищники. Многим людям не нравится думать, что их ласковый котенок на самом деле прирожденный убийца, но тут уж ничего не поделаешь – им только дай волю! Во многих странах, например в Австралии, закон запрещает кошкам гулять по ночам из-за урона, который они наносят популяции местных птиц и грызунов.

Боб ярко проявил свой охотничий талант. В моей квартире жил хладнокровный, быстрый и опытный убийца. И он в точности знал, что нужно делать.

Я снова задумался о том, что за жизнь была у рыжего до того, как он оказался на коврике в подъезде. Что он делал ради выживания? Изо дня в день полагался исключительно на свой охотничий талант? Был с рождения вынужден самостоятельно добывать себе пропитание или все-таки вырос в благополучной семье под присмотром заботливых хозяев? Как он стал таким? Хотел бы я знать… Готов поручиться, уличному другу было что рассказать. Как и мне. И это нас объединяло.

Когда я остался без крыши над головой и стал зарабатывать, играя на гитаре на потеху прохожим, люди начали интересоваться моим прошлым. Как я дошел до жизни такой? – спрашивали они. Некоторых, конечно, вынуждала профессия. Мне довелось пообщаться с дюжиной социальных работников, психологов и даже полицейских, и все они стремились выяснить, как я оказался на улице. Хотя обычных людей ответ на этот вопрос тоже интересовал.

Не знаю почему, но многих словно зачаровывает тот факт, что некоторые члены общества опускаются на дно. Думаю, отчасти им нравится вздыхать с облегчением: «Меня-то, слава богу, такая судьба миновала», ведь не повезти может каждому. И в то же время моя история заставляет их по-другому взглянуть на свою жизнь: «Конечно, не все в ней идеально, но я мог бы оказаться на месте этого бедняги!»

Хотя люди, подобные мне, по-разному оказываются на улице, есть в наших историях общие моменты. Зачастую это наркотики и алкоголь. Но чаще всего цепочка событий, приводящая к такому финалу, тянется из детства, и первым звеном становятся не самые лучшие отношения в семье. Со мной, во всяком случае, именно так и случилось.

Первые годы моей жизни были довольно беспокойными, и в основном потому, что я постоянно переезжал из Великобритании в Австралию и обратно.
Я родился в графстве Суррей, но когда мне исполнилось три года, наша семья перебралась в Мельбурн. К тому времени родители уже развелись. Отец остался в Англии, а мать, стремясь забыть о разочарованиях супружеской жизни, с головой ушла в карьеру, устроившись на работу в компанию по продаже ксероксов «Rank Xerox». Она не ошиблась с выбором профессии и вскоре стала одним из лучших продавцов.

Впрочем, на месте ей не сиделось, поэтому через два года мы переехали в Западную Австралию и жили там, пока мне не исполнилось девять. В Австралии было неплохо. Мама выбирала дома с верандой и большим садом на заднем дворе, так что в моем распоряжении было столько свободного пространства для игр и приключений, сколько мальчишка мог пожелать. Австралийскую природу я любил. Но при этом у меня совсем не было друзей.

Я тяжело сходился с ребятами в школе; наверное, причина в том, что мы часто переезжали. Все надежды «укорениться» в Австралии пошли прахом, и тогда мы вернулись в Великобританию и обосновались в Сассексе близ Хоршема. В Англии

мне понравилось; я сохранил немало счастливых воспоминаний о том времени. Но только я начал привыкать к жизни в Северном полушарии, как мы снова сорвались с места – и опять оказались в Западной Австралии. Мне тогда было двенадцать.

На этот раз мы поселились в местечке под название Куинз-Рок. Думаю, там-то мои проблемы и начались. Из-за всех этих переездов мы редко задерживались в одном доме дольше чем на пару лет. Мама постоянно что-то покупала и продавала и все время была в разъездах. Настоящего фамильного гнезда у нас не было, я не успевал привыкнуть ни к одному дому. Мы жили как какие-то цыгане!

Я не психолог, хотя в последние годы мне часто доводилось с ними общаться, но я, наверное, не ошибусь, если скажу, что постоянные переезды ребенку на пользу не идут. Я очень тяжело находил общий язык с людьми. В школе мне было трудно завести друзей. Я всегда слишком старался понравиться окружающим, впечатлить их, что давало обратный результат: в каждой школе меня считали слабаком и неудачником, над которым не грех поиздеваться. Но хуже всего было в Куинз-Рок.

Понятно, что я выделялся из толпы со своим британским акцентом и желанием всем угодить. Но я не думал, что это превратит меня в ходячую мишень. В буквальном смысле. Куинз-Рок не просто так назвали Куинз-Рок, и местные дети прекрасно знали, как применить валяющиеся то тут, то там куски известняка. Как-то раз одноклассники решили забросать меня камнями: по пути из школы я попал под настоящий камнепад и заработал сотрясение мозга.

Напряженные отношения с отчимом, которого звали Ник, тоже не способствовали улучшению ситуации. На мой подростковый взгляд, он был настоящим придурком. И я не стеснялся ему об этом говорить. Мама встретилась с ним, когда стала работать в полиции Хоршема, а потом он перебрался вместе с нами в Австралию.

Первые годы после переезда мы продолжали вести прежний скитальческий образ жизни. Обычно это было связано с маминой работой. Природа не обделила ее деловой хваткой, обычно маме сопутствовал успех; в какой-то момент она даже начала снимать видеокурсы, посвященные телемаркетингу. И некоторое время все шло хорошо. Потом она основала журнал «City Woman», но тут удача вдруг перестала ей улыбаться. Иногда у нас было полно денег, иногда не

хватало даже на самое необходимое. Но такие периоды никогда не затягивались надолго – мама была настоящим предпринимателем.

К пятнадцати годам я почти перестал ходить в школу. Мне надоело быть мальчиком для биться. С Ником отношения лучше не стали. А еще я был очень независимым, настоящим сорвиголовой, вечно приходил домой затемно, никого не слушал и не признавал никаких авторитетов. Неудивительно, что вскоре я научился профессионально находить приключения на свою голову. Собственно, я до сих пор не до конца избавился от этой привычки.

С учетом всего вышесказанного, вряд ли кому-то покажется странным, что я подсел на наркотики. Сперва я нюхал клей в попытке убежать от реальности, но быстро завязал с этим делом, чтобы перейти на травку и промышленный растворитель толуол. Одно тянуло за собой другое, третье и так далее. Я был зол на весь мир. Я чувствовал, что мне ужасно не повезло.

«Покажите мне семилетнего ребенка, и я скажу вам, что за человек из него выйдет», – говорят люди. Не уверен, что вы бы узнали взрослого меня в семилетнем мальчике, играющем в саду, но когда мне было семнадцать, предсказать мое будущее было гораздо проще. Я прочно встал на путь саморазрушения.

Мама изо всех сил старалась избавить меня от наркозависимости. Она видела, что я делаю с собой, – и могла представить, к каким ужасным последствиям это приведет. Она поступала так, как поступила бы любая мать на ее месте. Обыскивала одежду в поисках наркотиков, несколько раз запирала меня в спальне. Но замки у нас дома были не самые сложные, и я быстро научился открывать их при помощи шпильки для волос. Один поворот – и готово! Я не собирался мириться с тем, что мама – или кто-либо еще – ограничивает мою свободу. Мы стали ссориться еще больше, чем раньше, наши отношения неизбежно ухудшались. Мама дошла до того, что отвела меня к психиатру. У меня диагностировали целый набор заболеваний, начиная от шизофрении и маниакальной депрессии и заканчивая синдромом дефицита внимания и гиперактивности. Естественно, я не обращал внимания на слова врачей. Я был запутавшимся подростком, который считал, что знает о жизни больше, чем кто-либо. Оглядываясь назад, я понимаю, через что пришлось пройти моей матери. Наверное, она чувствовала себя абсолютно беспомощной и с ужасом представляла, что ждет ее сына в будущем. Но в тот момент переживания других людей волновали меня меньше всего. Я никого не слушал и ни на кого не

обращал внимания.

В какой-то момент все стало настолько плохо, что мне пришлось переехать в христианское благотворительное жилье. Там я бездельничал, принимал наркотики и играл на гитаре. Хотя не обязательно всегда в таком порядке.

Незадолго до восемнадцатилетия я объявил, что собираюсь вернуться в Лондон, чтобы жить со своей сводной сестрой (дочерью отца от первого брака). Фактически, это стало началом конца, хотя со стороны могло показаться, что я внезапно стал вести себя как нормальный подросток. Мама отвезла меня в аэропорт, я поцеловал ее на прощание и помахал ей в след, когда машина отъехала. Мы оба думали, что я уезжаю на полгода, не больше. Таков был наш план. Я собирался пробыть в Лондоне шесть месяцев, потусить со сводной сестрой и попытаться воплотить в жизнь мечту стать музыкантом. Но все пошло не по плану.

Поначалу я действительно поселился у сводной сестры. Правда, ее муж отнесся к моему приезду без особой радости. Напоминаю, я был несговорчивым подростком, одетым как гот… да что там, настоящей занозой в заднице. Занозой, которая не платила за коммунальные услуги.

В Австралии я подрабатывал в сфере информационных технологий и продавал сотовые телефоны, но в Великобритании никуда устроиться не смог. Один раз меня наняли барменом, но управляющему не понравилось мое лицо, и я потерял место сразу после того, как уехавшие на рождественские праздники сотрудники вернулись в Лондон. И словно этого было мало, начальство сообщило социальным службам, что я сам уволился с работы, следовательно, не мог претендовать на пособие, которое полагалось мне как имевшему счастье родиться на английской земле.

В результате тот факт, что я живу у них дома, стал радовать мужа сестры еще меньше. В конце концов мне указали на дверь. После приезда в Лондон я успел пару раз встретиться с отцом, но мы оба понимали, что не уживемся вместе, ведь мы едва знали друг друга. Некоторое время я ютился у друзей, ночуя на диване для гостей или на полу, а потом и вовсе начал вести кочевой образ жизни, таскаясь со спальным мешком по квартирам случайных знакомых и разным лондонским сквотам. Потом оказался на улице.

А оттуда до дна было совсем недалеко.

Жизнь на улицах Лондона лишает тебя достоинства, личности – лишает всего. Хуже того, ты становишься никем в глазах других людей. Они начинают воспринимать тебя, как пустое место. Не хотят иметь с тобой дела. Вскоре в целом мире у тебя не остается ни одного друга. Пока я бродяжничал, мне удалось устроиться грузчиком на кухню. Но меня выгнали с работы, когда узнали, что я бездомный, хотя ничего плохого я не сделал. Если у тебя нет жилья, не стоит рассчитывать на удачу и хорошее отношение.

Я бы мог поправить свои дела, если бы вернулся в Австралию. У меня даже был обратный билет, но за две недели до вылета я потерял паспорт. Никаких документов не осталось, денег на их восстановление тоже не было. Надежда на возвращение к семье в Австралию растаяла, как дым. И я вместе с ней.

Следующий период моей жизни был окутан накротическим и алкогольным туманом, перемежавшимся вспышками мелких преступлений и беспросветного отчаяния. То, что я подсел на героин, ситуацию не улучшало.

Первый раз я попробовал этот наркотик в надежде, что он поможет мне уснуть на улице, заставит забыть о холоде и одиночестве. Героин действительно перенес меня в другое место. К несчастью, попутно он подчинил себе мою душу. К 1998 году я уже плотно сидел на игле. Пару раз я едва не умер от передозировки, хотя, признаюсь честно, слабо осознавал, чем рискую.

В то время мне даже в голову не приходило связаться с кем-нибудь из родственников. Я исчез с поверхности земли, и меня это мало заботило. Я был слишком занят своим выживанием. Оглядываясь назад, могу только представить, через какой ад я заставил их пройти. Готов поспорить, им пришлось порядком понервничать.

Спустя год после приезда в Лондон (и через девять месяцев после начала жизни на улице) я слегка опомнился. Когда я только прилетел из Австралии, я встретился с отцом, но после этого мы с ним не общались. И как-то под Рождество я решил ему позвонить. Трубку взяла его жена – моя мачеха. Сам он отказывался подходить к телефону и заставил меня провисеть на линии несколько минут – так он был зол.

– Где тебя черти носили? Мы тут чуть с ума не сошли! – сказал он, когда сумел взять себя в руки.

Я попытался было как-то оправдаться, но отец меня не слушал. Он кричал, что мать постоянно названивала ему и безуспешно пыталась меня найти. Если учесть, что эти двое старались разговаривать друг с другом как можно меньше, становится ясно, насколько сильно она волновалась. В течение пяти минут отец высказывал все, что он обо мне думает. Сейчас я понимаю, что помимо злости он чувствовал огромное облегчение. Скорее всего, он уже не надеялся меня услышать. И ведь в каком-то смысле я действительно умер.

Этот период моей жизни продолжался почти год. В основном я ночевал под открытым небом на одном из лондонских рынков, и в конце концов меня подобрала благотворительная организация, помогавшая бездомным. Я сменил немало ночлежек, пока не оказался в приюте на Сент-Мартинс-лейн. Там мое имя попало в список тех, кому остро необходимо жилье. В результате следующие десять лет я перебирался из ужасных общежитий в хостелы с наркоманами, которые тащили все, что не приколочено. Чтобы сберечь хоть что-то, мне приходилось спать, запихнув ценное имущество под одежду. Я мог думать только о том, как выжить.

Моя наркозависимость со временем только усиливалась. Ближе к тридцати годам я попал в реабилитационный центр. Пару месяцев мне помогали прийти в себя и избавиться от ломки, а потом включили в программу по освобождению от наркозависимости. На какое-то время ежедневный поход в аптеку и поездка в Центр лечения от наркозависимости в Камдене раз в две недели стали смыслом моей жизни. Я практически на автомате вставал с постели и словно в полусне – хотя чаще всего именно таким мое состояние и было – отправлялся туда, куда меня толкали рефлексы.

В центре я общался с психологами, без конца рассказывал о своей зависимости, о том, откуда она взялась и как я намерен с ней справляться. Легко придумать причину, толкнувшую вас к наркотикам, но в моем случае все было предельно ясно. Одиночество – и ничего, кроме одиночества. Героин позволял мне забыть, что во всем мире у меня нет ни одного близкого человека, что моя семья далеко, а близкие отвернулись. Я был сам по себе, и, пусть многим это покажется странным и необъяснимым, героин стал моим другом.

В глубине души я, конечно, понимал, что он меня убивает. Причем в буквальном смысле слова. Поэтому через пару лет я перешел с героина на метадон, синтетический опиоид, который используют для избавления от зависимости тех, кто сидит на морфии и героине. К весне 2007 года план был таков: я начну постепенно отказываться от каких-либо наркотиков. И переезд в Тоттенхэм стал ключевым пунктом этого плана. Я должен был жить в обычном многоквартирном доме, где моими соседями были простые люди. Я получил шанс привести свою жизнь в порядок.

Чтобы хоть частично оплачивать аренду, я начал играть на площади Ковент-Гарден. Зарабатывал я совсем немного, но этого хватало на еду, газ и электричество. И дарило хоть какое-то чувство уверенности в своих силах. Я понимал, что получил возможность оставить все плохое позади. И не мог позволить себе ее упустить. Будь я котом, это была бы моя девятая жизнь.

Глава 3

Чик!

Подходила к концу вторая неделя лечения; кот явно чувствовал себя гораздо лучше. Рана на лапе быстро заживала, на месте проплешин стал расти новый, густой мех. Даже по морде Боба можно было сказать, что он счастлив – так у него сияли глаза. В них появились зеленые и желтые искорки, которых я прежде не замечал.

Кот прочно встал на путь к выздоровлению, и невероятно игривое поведение было тому весомым доказательством. Он и в первый-то день напоминал маленький торнадо, а в результате лечения и вовсе превратился в шаровую молнию. Я не представлял, что такое возможно. Временами он принимался скакать и метаться по квартире словно безумный. При этом он не забывал впиваться когтями в любую доступную поверхность, включая меня.

Боб испытывал на прочность деревянную мебель, а я мог похвастаться впечатляющими царапинами на руках. Но я не сердился на кота, поскольку знал, что он делает это не со зла, он просто играет. Впрочем, его активность на кухне начинала внушать опасения. Кот не оставлял попыток прорваться в холодильник

и открыть дверцы шкафов, поэтому мне пришлось купить несколько дешевых пластиковых замков, которые обычно пользуются большим спросом у родителей маленьких детей.

Благодаря Бобу я перестал разбрасывать вещи, потому что кот воспринимал ботинки или предметы одежды как новые игрушки, в результате чего они быстро теряли приличный вид.

В общем, все в его поведении говорило о том, что пора что-то предпринять. Я достаточно общался с кошками, чтобы понять что именно. Мой новый сосед, без сомнения, буйствовал от переизбытка тестостерона. Его определенно необходимо было кастрировать. Поэтому я скормил коту последнюю таблетку, выждал пару дней и решил позвонить местным ветеринарам из Эбби-клиник на Далстон-лейн.

Я знал несколько аргументов против того, чтобы лишать кота его достоинства, но аргументов «за» было куда больше. Если Боба не кастрировать, гормоны будут регулярно брать над ним верх, и он начнет бегать по улицам в поисках подходящей кошечки. Рыжий кот пропадет на несколько дней или даже недель; у него будут все шансы попасть под машину и ввязаться в драку с другими котами. Если вспомнить о ране на лапе и шрамах, не исключено, что такое уже бывало, и не раз. Коты ревностно охраняют свою территорию и старательно ее метят. Вполне возможно, Боб случайно зашел на чужую землю и поплатился за это. Я понимал, что у меня начинает развиваться паранойя, но ничего не мог с собой поделать: я боялся, что рыжий подцепит какое-нибудь венерическое заболевание вроде FeLV или FIV (кошачий вариант ВИЧ). И наконец, если Боб все-таки останется со мной, ужиться с кастрированным котом, который может себя контролировать, гораздо легче. И это тоже было весомым аргументом «за». После операции у него пропадет потребность громить мою квартиру.

Что касается аргументов против кастрации, их было совсем немного. Главный из них: это позволит избежать операции. Хотя нет, не главный. Единственный. Согласитесь, не слишком внушительная причина. Поэтому я набрал номер ветеринарной клиники и объяснил медсестре нашу ситуацию. Меня интересовало, принимают ли они сертификаты на бесплатную кастрацию. На другом конце провода сказали, что нам повезло и мы можем приносить кота. Меня волновал тот факт, что Боб только-только закончил принимать антибиотики, но медсестра успокоила меня на этот счет и посоветовала записать рыжего на операцию через два дня.

– Просто приведите его в клинику утром и оставьте у нас. Если все пойдет по плану, сможете забрать кота уже в конце дня, – сказала она.

Зная, что операция назначена на десять часов, я встал в то утро пораньше. Со времен предыдущего похода к ветеринару это был первый раз, когда мы с котом отправлялись в серьезное путешествие. Из-за курса антибиотиков я не выпускал Боба из квартиры (за исключением тех случаев, когда ему требовалось сходить в туалет). Поэтому я снова достал зеленую коробку, которая коту еще в прошлый раз не понравилась. Погода за окном была отвратительная, так что мне пришлось воспользоваться крышкой, чтобы уберечь рыжего от непогоды. За две недели ничего не изменилось: Бог по-прежнему не одобрял такой способ передвижения и все время высовывал голову, чтобы смотреть по сторонам.

Больница Эбби-клиник оказалась небольшим зданием, зажатым между газетным киоском и медицинским центром в ряду магазинов на Далстон-лейн. Хотя мы пришли задолго до назначенного времени, в коридоре уже было полно народу. Собаки, как обычно натягивали поводки и рычали на кошек, которые сердито шипели в переносках. Я начинал привыкать к этой картине! Из-за пластиковой коробки Боб сразу обратил на себя внимание агрессивных псов. А я заметил, что среди здешних пациентов тоже немало стаффоршидских бультерьеров (и их владельцев-неандертальцев).

Некоторые коты не выдержали бы напряжения и сбежали. Но у Боба был такой вид, будто ему дела нет до этих грозных псов. Он верил, что в случае необходимости я смогу его защитить.

Когда назвали мое имя, навстречу нам вышла молоденькая медсестра с какими-то бумагами в руках. Она отвела меня в кабинет и задала несколько стандартных вопросов.

– Как вы понимаете, последствия операции необратимы. Вы уверены, что не хотите использовать Боба в качестве самца-производителя? – уточнила она.

– Уверен, – улыбнулся я, поглаживая рыжего по голове.

А вот следующий вопрос поставил меня в тупик.

– Сколько Бобу лет?

– Эээ… Честно говоря, понятия не имею, – протянул я, после чего коротко рассказал нашу с ним историю.

– Что ж, давайте посмотрим.

Медсестра объяснила: тот факт, что достоинство Боба еще при нем, поможет нам определить его примерный возраст.

– Коты и кошки достигают половой зрелости примерно в полгода. Если в этом возрасте их не прооперировать, происходят определенные физические изменения. У котов, к примеру, округляются щеки, шкура становится толще. В целом некастрированные коты крупнее тех, которых прооперировали, – рассказала девушка. – Поскольку Боб не слишком крупный, рискну предположить, что ему месяцев девять-десять.

Затем медсестра протянула мне соглашение, подписав которое я отказывался от каких-либо претензий в случае осложнений. Операция была несложной, а риск минимальным, но все-таки лучше перестраховаться.

– Мы тщательно осмотрим кота и, может быть, перед операцией возьмем у него кровь на анализ, – успокоила меня медсестра. – Если возникнут проблемы, мы с вами свяжемся.

– Хорошо, – смущенно пробормотал я.

Мобильного телефона у меня не было, поэтому вряд ли они смогут мне позвонить.

Затем медсестра рассказала о самой операции.

– Кастрация проводится под общим наркозом, обычно операция не занимает много времени. Врач делает на мошонке два надреза и через них удаляет яички.

– Ауч! – шутливо поморщился я и потрепал кота по спине.

– Если все пройдет нормально, через шесть часов вы сможете его забрать, – сказала медсестра и посмотрела на часы. – Так что жду вас примерно в половине пятого. Вам подходит это время?

– Да, конечно, – кивнул я. – Увидимся!

В последний раз обняв Боба, я вышел на хмурую улицу. Снова собирался дождь. Смысла ехать на Ковент-Гарден не было: я доберусь до площади, спою пару песен – и пора будет возвращаться. Поэтому я решил попытать счастья на железнодорожной станции Далстон-Кингсленд. Не лучшая площадка в мире, зато позволит скоротать время и заработать пару фунтов в ожидании Боба. К тому же рядом со станцией был магазинчик, где мне разрешат укрыться, когда начнется ливень.

Достав гитару из чехла, я постарался отогнать прочь мысли о Бобе. Не хотелось мне представлять его на операционном столе. Если он всю жизнь провел на улице, кто знает, что могут найти у него врачи? Я слышал истории о кошках и собаках, которые так и не приходили в себя после наркоза… Я старался не думать о плохом, но сгущавшиеся над головой тучи мало этому способствовали.

Секунды крайне неохотно складывались в минуты, а те еще более лениво превращались в часы. Но в конце концов пришло время собираться. Последние несколько метров до клиники я почти бежал. Медсестра, с которой я разговаривал утром, сидела в регистратуре и болтала с коллегой. Она тепло мне улыбнулась.

– Как он? Все прошло хорошо? – запыхавшись, спросил я.

– С ним все в порядке, не волнуйтесь, – ответила она. – Давайте отдышитесь, и я вас к нему отведу.

Меня одолевали непривычные чувства – я не помнил, когда в последний раз так за кого-то переживал. Боб лежал в удобной теплой клетке, которая стояла в палате для пациентов, приходящих в себя после операции.

– Привет, парень! Как ты себя чувствуешь? – тихо спросил я.

Рыжий еще не до конца очнулся от наркоза, поэтому сперва он смерил меня мутным взглядом, словно спрашивая: «Ты кто?», но вскоре вполне уверенно сел, начал царапать дверь клетки, и на морде у него было написано: «Вытащи меня отсюда!»

Медсестра принесла мне на подпись очередную порцию документов, после чего еще раз тщательно осмотрела Боба, чтобы убедиться, что его действительно можно забирать домой.

Эта девушка искренне заботилась о пациентах и их хозяевах, была вежливой и предупредительной, что приятно поразило меня после предыдущего опыта общения с ветеринарами. Она даже показала, где именно Бобу надрезали мошонку.

– Отек продержится еще пару дней, но волноваться не о чем, – сказала она. – Просто проверяйте швы время от времени и следите, чтобы туда не попала инфекция. Если вдруг они воспалятся, то либо звоните нам, либо несите Боба сюда, мы его осмотрим. Но я уверена, что с ним все будет в порядке.

– А как долго он пробудет в таком состоянии? – спросил я, глядя на слегка покачивающегося кота.

– Думаю, дня через два он окончательно придет в себя и снова будет бегать задрав хвост, – улыбнулась медсестра. – Тут многое зависит от самого кота. Некоторые сразу отходят от наркоза. Другим требуется время. Но обычно через сорок восемь часов все приходят в норму. И еще. После операции он, скорее всего, будет плохо есть, но завтра аппетит к нему вернется. Если вдруг вы заметите, что Боб какой-то вялый и сонный, несите его к нам немедленно. Такое редко бывает, но иногда кошки цепляют инфекцию во время операции, – предупредила она.

Я принес в палату зеленую коробку и уже собирался переложить туда кота, когда медсестра меня остановила.

– Подождите-ка, – сказала она. – У меня есть идея получше.

Она вышла и через несколько минут вернулась с очаровательной небесно-голубой переноской.

– Но это не моя, – покачал головой я.

– Не волнуйтесь, все в порядке. У нас полно свободных, вы можете взять эту. Просто занесете ее назад, когда будете проходить мимо.

– Правда?

Я понятия не имел, кто был прежним владельцем переноски. Возможно, ее случайно забыли в клинике. Или принесли, чтобы забрать питомца, и обнаружили, что она ему больше не понадобится… В любом случае, выяснять подробности я не собирался.

Одного взгляда на кота хватало, чтобы понять: операция далась ему нелегко. Всю дорогу до дома он проспал в переноске; когда мы пришли, рыжий медленно добрел до своего любимого места возле батареи, улегся там и до утра не открывал глаз.

На следующий день я решил устроить себе выходной, чтобы проследить, все ли хорошо с котом. Ветеринар советовал присматривать за ним двое суток: нужно убедиться, что операция прошла без осложнений. Меня больше всего пугала сонливость – я знал, что это не слишком хороший знак. Приближались выходные, деньги подходили к концу, но я сидел дома, поскольку никогда бы себе не простил, если бы с рыжим что-то случилось по моей вине.

К счастью, с ним все было прекрасно. К утру он пришел в себя и даже позавтракал. Как и предсказывала медсестра, зверским аппетитом Боб пока похвастаться не мог, но тем не менее съел половину своей обычной порции, что меня очень порадовало. Затем он прогулялся по квартире, хотя, конечно, без прежнего неудержимого энтузиазма.

Бобу потребовалось немного времени, чтобы полностью прийти в чувство. Уже через три дня после операции он с жадностью заглатывал еду; правда, я замечал, что швы периодически дают о себе знать: кот иногда болезненно щурился и внезапно замирал на месте, но особой проблемы я в этом не видел. Я знал, что в ближайшем будущем рыжий снова станет моим веселым сумасшедшим соседом, но все равно был рад, что отвел его к ветеринару.

Глава 4

Билет для кота

Вторая неделя подходила к концу, и я задумался о том, что пора бы вернуть Боба на улицу. Раз он был бродячим котом, значит, наверное, скучает по прежней свободной жизни?.. Рыжий тем временем чувствовал себя все лучше с каждым днем, он заметно округлился и похорошел. Поэтому, когда закончился курс лекарств и Боб полностью восстановился после операции, я взял его на руки и вынес во двор. Мы вышли за ворота, я поставил его на землю и кивнул в сторону улицы.

Рыжий не двинулся с места, только недоуменно посмотрел на меня. «И что я должен делать?» – читалось в его глазах.

– Давай, давай, – замахал я руками. Никакого эффекта.

Пару секунд мы стояли на тротуаре; я тщетно пытался переиграть кота в гляделки. Вдруг он развернулся и ушел – но не вниз по улице, а в сторону любимых кустов, которые уже неоднократно использовал в качестве туалета. Выкопал ямку, облегчился, прибрал за собой и вернулся ко мне. Теперь его морда выражала немой вопрос: «Вот, я сделал свои дела. Теперь что?» В этот момент в мою голову впервые закралась мысль о том, что кот видел свое будущее несколько в ином свете…

– Я думал, тебе нравится жить на улице, – тихо сказал я.

Часть меня радовалась тому факту, что Боб не сбежал при первой возможности. Мне нравилось его общество, да и характер у рыжего оказался что надо. Но здравый смысл настаивал на том, что я не имею право так с ним поступать. Я со своей-то жизнью не могу разобраться! Я все еще пытался освободиться от наркозависимости и в ближайшем будущем вряд ли мог рассчитывать на избавление от пагубной привычки. Как я мог взять на себя ответственность за кота, даже такого умного и самодостаточного? Это было бы нечестно по отношению к нам обоим…

С тяжелым сердцем я принял решение потихоньку отучать кота от домашней жизни. Уходя утром на работу, я больше не буду запирать его в квартире. Начну брать с собой и оставлять где-нибудь в парке.

– Это ради его же блага, – буркнул я себе под нос.

Кот со мной не согласился. Когда я попытался воплотить свой план в жизнь в первый раз, рыжий посмотрел на меня крайне неодобрительно. «Предатель», – сказал бы он, если бы умел говорить. Я собрал волю в кулак, развернулся и пошел прочь с гитарой за спиной. Кот последовал за мной; он двигался по тротуару зигзагами, как шпион, стараясь быть максимально незаметным. Правда, он не учел, что крайне трудно не заметить ярко-рыжего кота, который мечется туда-сюда!

Время от времени я оборачивался и пытался отогнать Боба. Он останавливался и начинал пятиться назад, обиженно размахивая хвостом. В конце концов он смирялся и исчезал. Это продолжалось день за днем. Но когда я возвращался с работы, Боб каждый раз ждал меня. Я понимал, что не стоит пускать его к себе. Но желание пустить кота в квартиру и увидеть, как он сворачивается рыжим клубком у моих ног, заглушало голос разума.

Нам потребовалось несколько дней, чтобы привыкнуть к новому порядку. Утром я уходил и оставлял кота на улице, а вечером неизменно находил его на посту – у дорожки, ведущей к нашему дому, либо (если кто-нибудь пускал его в подъезд) на коврике у квартиры. Боб явно не собирался возвращаться к бродячей жизни.

Я понял, что пришло время для последнего средства: я должен был оставить кота за порогом на ночь. Когда я возвращался с работы, Боб бродил возле мусорных контейнеров. Я попытался проскользнуть незаметно… согласитесь, не самое умное решение. Коты – охотники, у них в усах больше чутья, чем у меня во всем теле. Едва я открыл дверь в подъезд, как Боб протиснулся внутрь.
В квартиру я его не пустил – и утром обнаружил кота, сладко спящего на коврике. Это продолжалось несколько дней. Каждый вечер Боб выслеживал меня и находил способ проскользнуть в подъезд. В конце концов он решил, что этот раунд остался за ним. И возникла новая проблема: рыжий начал провожать меня на работу.

В первый раз он дошел до конца квартала, но вернулся, когда я принялся его отгонять. На следующий день рыжий хвост следовал за мной метров сто до Тоттенхэм-Хай-роуд, где я сел на автобус до Ковент-Гарден.

Признаюсь, какая-то часть меня восхищалась его настойчивостью и удивительным упорством. Правда, это не мешало другой части проклинать кота. Я понятия не имел, как от него избавиться! С каждым днем он становился все смелее и забирался все дальше. Я представлял, что однажды сяду в автобус, а кот продолжит идти и исчезнет из моей жизни. Но вечером я возвращался домой, и Боб исправно ждал меня у подъезда. Оставалось надеяться, что проблема решится сама собой. Так и произошло.

Однажды утром я, как обычно, отправился на работу. Закинул на спину рюкзак, пристроил рядом с ним чехол с черной акустической гитарой и вышел из подъезда. На дорожке меня ждал Боб. Я поздоровался с котом. Когда он пошел за мной, я попытался прогнать его.

– Оставайся здесь! – шикнул я.

Рыжий оказался на редкость понятливым и решил не настаивать. По пути к автобусной остановке я несколько раз обернулся, но не обнаружил никаких признаков кота. «Может, он наконец-то понял, чего я добиваюсь», – подумал я.

Чтобы сесть на автобус до Ковент-Гарден, мне нужно было перейти через Тоттенхэм-Хай-роуд – одну из самых загруженных и опасных дорог северного Лондона. В то утро автомобили, грузовики и мотоциклы ехали плотным потоком, буквально прогрызая себе путь вперед.

Стоя на тротуаре и напряженно выглядывая промежуток между машинами – нужный автобус уже показался на горизонте, и я не собирался его упускать, – я почувствовал, как кто-то трется об мою ногу. Посмотрев вниз, я увидел знакомого рыжего кота. К моему ужасу, Боб тоже следил за дорогой, явно собираясь перебежать ее вместе со мной.

– Ты что здесь делаешь? – возмущенно спросил я.

Кот смерил меня снисходительным взглядом; действительно, трудно было придумать более глупый вопрос. Затем он снова посмотрел на дорогу и

подобрался поближе к краю тротуара, занимая стартовую позицию. Я не мог позволить ему так рисковать. Это самоубийство! Я подхватил кота на руки и посадил к себе на плечо. Пока я переходил дорогу, рыжий прижимался к моей голове, не выказывая никаких признаков беспокойства.

– Ну все, Боб, достаточно, – вздохнул я, опуская его на тротуар и в который раз пытаясь отогнать прочь.

Кот не стал противиться и послушно затерялся в толпе. Я подумал, что, возможно, вижу его в последний раз. Слишком далеко он забрался от дома…

Вскоре подошел старый красный «двухпалубник», на который можно было зайти через заднюю площадку. Я устроился в дальней части автобуса, где можно было безопасно поставить гитару рядом с кондуктором, как вдруг перед моими глазами мелькнуло что-то рыжее. Прежде чем я успел опомниться, Боб запрыгнул на площадку и уселся рядом со мной.

На меня снизошло озарение. Я наконец-то понял, что не смогу избавиться от этого кота. А еще я понял кое-что другое. Я предложил Бобу забраться ко мне на колени, и он благосклонно принял мое предложение. Через несколько секунд к нам подошла женщина-кондуктор. Приветливая индианка улыбнулась сначала коту, а потом и мне.

– Ваш? – спросила она, почесывая его за ухом.

– Видимо, да, – улыбнулся я.

Глава 5

В центре внимания

Следующие сорок пять минут (или около того) Боб тихо сидел у меня на коленях, прижав морду к стеклу, и глядел на проплывающий за окном автобуса город. Проносящиеся мимо автомобили, фургоны и велосипедисты, перебегающие дорогу пешеходы – все это завораживало кота; он был абсолютно спокоен и

нисколько не нервничал.

Правда, когда до нас доносился вой полицейской сирены, пожарной машины или кареты «скорой помощи», рыжий все-таки отрывался от окна и обращался ко мне за поддержкой. Судя по всему, эти звуки были знакомы коту и почему-то тревожили его. Может, они напоминали ему о каком-то несчастье из прошлой жизни? Ведь вырасти он на улице, давно бы привык к подобному шуму…

– Не бойся, – каждый раз говорил я коту, поглаживая его по спинке. – Именно так звучит центр Лондона, Боб, и тебе лучше к этому привыкнуть.

Странно, хотя я знал, что рыжий – бродячий кот и в любой момент может убежать, где-то в глубине души я был убежден, что Боб намерен надолго остаться в моей жизни. Я чувствовал, что мы с ним не в последний раз едем на автобусе ко мне на работу. Когда вдалеке показалась остановка рядом со станцией метро Тоттенхэм-Корт-роуд, я подхватил гитару, прижал к себе кота и направился к выходу. Уже на тротуаре я порылся в карманах пальто и достал самодельный поводок, который оставил там после того, как вечером вывел Боба на прогулку.

Нацепив поводок на кота, я поставил его на землю. Я не хотел, чтобы рыжий гулял сам по себе: мимо нас спешили многочисленные любители пройтись по магазинам, туристы и обычные лондонцы, занятые своими делами. В такой толпе Боб потерялся бы за считаные секунды или – что куда хуже! – попал бы под автобус или такси, которые сновали туда-сюда по Оксфорд-стрит.

Насколько я мог судить по скованным движениям кота и по тому, как он все время на меня оглядывался, рыжий чувствовал себя не в своей тарелке. Значит, здешние места были ему незнакомы (во всяком случае, я сделал именно такой вывод). Чтобы избавить Боба от лишней нервотрепки, я решил срезать путь до Ковент-Гарден по одной из задних улиц.

– Пойдем, парень, уберемся подальше от толпы, – сказал я.

К сожалению, это не слишком успокоило кота. Уворачиваясь от многочисленных пешеходов, у которых не всегда находилось время смотреть под ноги, он продолжал жалобно поглядывать на меня. Через пару метров я понял, что Боб хочет, чтобы я взял его на руки.

– Хорошо, хорошо, только не привыкай к этому! – сказал я, подхватывая кота и усаживая его себе на плечи.

Вскоре он разместился там со всеми удобствами: основная часть Боба устроилась у меня над правой лопаткой, а передними лапами он вцепился в левое плечо, благодаря чему стал похож на сидящего в вороньем гнезде пирата. Я улыбнулся про себя. Наверное, в тот момент я был похож на Джона Сильвера, которому в качестве верного спутника вместо попугая достался кот.

На плече Боб заметно успокоился. Пока мы шли через толпу на Нью-Оксфорд-стрит и углублялись в путаницу маленьких улочек, ведущих к площади Ковент-Гарден, он даже тихонько мурлыкал. Людей вокруг стало заметно меньше; в какой-то момент я забыл, что не один сегодня, и в голове закрутились мысли, которые обычно одолевали меня по дороге на работу. Позволит ли погода поиграть сегодня полные пять часов? Ответ: возможно. Небо было затянуто облаками цвета чая с молоком, поэтому пока ничто не предвещало дождя. Сколько народу будет на Ковент-Гарден? Ну, поскольку Пасха не за горами, площадь привлечет немало туристов. Сколько времени потребуется, чтобы заработать двадцать – тридцать фунтов, на которые я, точнее, мы с Бобом сможем прожить следующие несколько дней? Накануне я трудился пять часов без передышки. Не исключено, что сегодня получится быстрее. Или наоборот. Если ты зарабатываешь на жизнь, играя на улице, трудно предсказать результат.

Я возвращался к этим вопросам снова и снова, пока вдруг кое-что меня не отвлекло. Обычно люди на улице старались не встречаться со мной взглядом. И тем более общаться. Я был уличным музыкантом в Лондоне. Значит, я был пустым местом. Человеком, от которого стоит держаться подальше. Но когда я шел по Нил-стрит в тот день, практически каждый встречный прохожий провожал меня глазами. Точнее, не меня, а Боба.

Кто-то смотрел на нас крайне озадаченно, что вполне понятно: высокий длинноволосый парень, идущий куда-то с упитанным рыжим котом на плечах, выглядел несколько неуместно. Даже в Лондоне такое не каждый день увидишь! Но в основном люди реагировали с куда большей теплотой. При виде Боба на их лицах появлялись широкие улыбки; вскоре прохожие даже начали останавливаться.

– Вы только посмотрите на этих двоих! – воскликнула хорошо одетая дама средних лет, с сумками, набитыми покупками. – Какой роскошный кот! Можно его погладить?

– Конечно, – кивнул я, думая, что этим все и ограничится.

Женщина поставила сумки на землю и приблизилась к Бобу.

– Да ты настоящий красавец! – сказала она. – Это ведь мальчик?

– Да, – ответил я.

– Как здорово он устроился у вас на плечах! Такое нечасто увидишь. Должно быть, он вам доверяет.

Едва я успел попрощаться с дамой, как к нам подошли две девушки. Судя по всему, они заметили, как дама гладит кота, и подумали, что им я тоже разрешу. Девушки рассказали, что приехали из Швеции на каникулы.

– Как его зовут? Можно его сфотографировать? – спросили они и схватились за камеры в тот же миг, как я сказал «да».

– Боб. Его зовут Боб.

– Круто, – протянули они.

Мы поболтали пару минут; выяснилось, что у одной из девушек тоже был кот, она даже показала мне его фотографию. Понимая, что дай им волю – и они еще долго будут стоять и восхищаться Бобом, я вежливо извинился и поспешил на Ковент-Гарден. Мы с котом шли по направлению к Лонг-Акру, но быстро идти не получалось: один восторженный почитатель рыжего сменялся другим, это повторялось снова и снова, что существенно нас тормозило. Каждые несколько метров кто-нибудь подходил ко мне и просил разрешения погладить или сфотографировать кота.

Новизна ощущений вскоре сменилась раздражением: я понял, что такими темпами никуда не дойду. Обычно мне требовалось десять минут на то, чтобы

добраться от автобусной остановки до своего места на площади. Но пока мы с Бобом потратили в два раза больше времени на куда меньшее расстояние.
Я чувствовал себя глупо. В конечном счете мой рабочий день начался на час позже, чем обычно.

«Спасибо, Боб, твоя популярность стоила мне нескольких фунтов», – полушутя-полусерьезно подумал я. Хотя и понимал, что с этим нужно будет что-то делать. Если из-за кота я стану каждый день тратить столько времени на дорогу, это нанесет чувствительный удар по моему кошельку. Впрочем, я недолго так думал.

На тот момент я играл на Ковент-Гарден почти полтора года. Обычно я доставал гитару в два-три часа пополудни и уходил с площади примерно в восемь вечера. В это время на Ковент-Гарден было особенно много туристов, людей, заканчивавших делать покупки или возвращавшихся домой с работы. По выходным я приходил пораньше, чтобы играть в обед, а с четверга по субботу задерживался допоздна, надеясь поживиться за счет лондонцев, радующихся концу рабочей недели.

Я научился правильно выбирать аудиторию. В основном я играл на Джеймс-стрит – на тротуаре прямо напротив станции метро. Там я стоял до половины седьмого, когда основная масса народу ехала с работы. После этого я отправлялся к многочисленным барам на Ковент-Гарден, чтобы сыграть тем, кто вышел покурить или выпить на свежем воздухе. Летом эта тактика оправдывала себя целиком и полностью: офисные служащие, вымотанные долгим рабочим днем, не упускали возможности расслабиться на вечернем солнышке и охотно расставались с деньгами.

Правда, не обходилось и без неприятных моментов. Некоторым не нравилось, что я подхожу к ним и играю на гитаре, поэтому вместо нескольких фунтов я получал пару-тройку увесистых оскорблений: «Вали отсюда, бездельник!», «Найди себе нормальную работу, ленивый ублюдок» и далее в том же духе. Но таковы издержки профессии. Со временем я привык. К тому же многие люди с удовольствием слушали мою игру на гитаре и бросали мелочь.

Я в принципе сильно рисковал, выходя на Джеймс-стрит. Строго говоря, меня не должно было там быть. Бездомные давно уже четко поделили Ковент-Гарден на определенные зоны. И чиновники из местного совета, которых мы прозвали «хранителями Ковент-Гардена», неофициально присматривали за тем, чтобы

бродяги уважали установленные границы.

Мой участок должен был находиться в восточной части площади, рядом с Королевской оперой и Боу-стрит. Именно там, по мнению «хранителей», следовало играть музыкантам. Противоположная часть Ковент-Гардена отводилась уличным актерам: жонглеры и артисты располагались под балконом бара «Панч и Джуди», на радость подвыпившим компаниям, которые с удовольствием на них глазели.

Улица Джеймс-стрит, где я начинал свой рабочий день, «принадлежала» ожившим статуям. Их там собиралось немало, особой популярностью пользовался парень в костюме Чарли Чаплина, но он нечасто выходил на работу. Обычно никто не возражал против того, что я играю рядом с метро. Я понимал, что всегда есть возможность быть замеченным «хранителями», но сознательно шел на риск, который полностью себя окупал. Метро извергало нескончаемые потоки людей; если хоть один из тысячи платил мне за игру, день считался удачным.

В три часа мы с Бобом наконец-то добрались до нужного места. Едва мы повернули на Джеймс-стрит как нас в который раз остановили – теперь с рыжим решил познакомиться парень нетрадиционной ориентации, явно идущий из спортзала, если судить по пятнам пота на его спортивном костюме.

Он пришел в полный восторг от Боба и даже спросил – надеюсь, в шутку, – нельзя ли его купить.

– Нет, кот не продается, – вежливо ответил я на случай, если он все-таки был серьезен. Отойдя от парня, я посмотрел на Боба и покачал головой: – Такое только в Лондоне возможно, только в Лондоне.

Придя на место, я первым делом огляделся и проверил, все ли чисто. «Хранителей» вокруг не наблюдалось. На станции метро работали два человека, которые знали, что я не должен здесь играть. Периодически они создавали мне проблемы, но в тот раз их не было. Поэтому я со спокойной душой усадил Боба на тротуар у стены, расстегнул чехол, снял куртку и приготовился играть.

Обычно у меня уходит минут десять на то, чтобы настроить инструмент и привлечь внимание людей. Но в тот день несколько человек остановились и

кинули мелочь в чехол для гитары до того, как я успел сыграть хотя бы одну ноту. «Как щедро с их стороны», – подумал я. Потом отвернулся и занялся настройкой инструмента. И снова в чехол упало несколько монет. Я стоял спиной к людям и явственно различил металлический звон! А потом услышал мужской голос: «Классный у тебя кот!»

На тротуаре стоял обычный, ничем не примечательный парень лет двадцати-двадцати пяти. Он поднял большие пальцы вверх и пошел дальше с улыбкой на лице. Оглянувшись на чехол для гитары, я понял, в чем причина моей сегодняшней популярности. Оказывается, в нем успел уютно устроиться рыжий кот! Нет, я, конечно, уже понял, что рыжий обладает способностью очаровывать людей. Но не до такой же степени!

Я научился играть на гитаре еще в Австралии, когда был подростком. Время от времени кто-нибудь показывал мне, как правильно обращаться с инструментом, а потом я самостоятельно отрабатывал различные приемы. Первая гитара у меня появилась, когда мне было лет пятнадцать-шестнадцать – довольно поздно для того, чтобы начать играть. Я купил подержанный инструмент в Мельбурне; прежде я играл на акустических гитарах, которые брал у друзей, но в тот раз мне приглянулась электронная. В тот период я сходил с ума по Джими Хендриксу, считал его потрясающим музыкантом и хотел стать похожим на него.

Для улицы я подобрал несколько композиций, которые нравились мне уже много лет. Моим кумиром всегда был Курт Кобейн, поэтому я радовал прохожих песнями «Нирваны», а также Бобом Диланом и щедрой долей Джонни Кэша. Одной из самых популярных композиций в моем репертуаре была песня «Hurt», изначально принадлежавшая американской группе «Nine Inch Nails», но потом обработанная Джонни Кэшем. Его версию исполнять было легче, потому что она предназначалась как раз для акустической гитары. Еще я играл его «The Man in Black», которая не только подходила для улицы, но и соответствовала моему образу – обычно я одевался в черное. Но самой популярной песней в моей подборке была «Wonderwall» группы «Oasis». Она приносила больше всего выручки, особенно когда я играл ее по вечерам перед барами.

Честно говоря, мой репертуар изо дня в день практически не менялся. Выбранные песни нравились и лондонцам, и туристам. Обычно я начинал с «About a Girl» «Нирваны», чтобы разогреть пальцы. Так случилось и в тот день, когда в чехле от гитары сидел Боб и, прищурившись, смотрел на толпы людей, выходящих из метро.

Я успел поиграть несколько минут, прежде чем перед нами остановилась группа детей. Судя по футболкам бразильской сборной по футболу и португальской речи, они приехали из Бразилии. Одна девочка присела перед чехлом и начала гладить Боба.

– Ах, gato bonita, – восхищенно сказала она.

– Она говорит, что у вас красивый кот, – охотно перевел один из мальчиков.

Рыжий без труда очаровал ребят, приехавших в Лондон на экскурсию. Прохожие, заинтересовавшиеся, что же привлекло их внимание, тоже стали останавливаться возле кота. Вскоре все уже рылись по карманам, и в чехол посыпался дождь из монет.

– Если подумать, то пользы от тебя куда больше, чем проблем, Боб, – улыбнулся я. – Думаю, мне стоит чаще брать тебя с собой на работу.

Поскольку еще утром я не знал, что кот отправится на Ковент-Гарден вместе со мной, я не взял для него никакой еды. К счастью, в рюкзаке завалялось полпачки его любимого угощения, так что я мог время от времени подкармливать рыжего. Раз уж он решил со мной работать, то придется ему терпеть до ужина!

Ближе к вечеру народу на улицах становилось все больше: люди возвращались с работы или направлялись в Вест-Энд, чтобы хорошо провести время. И многие останавливались, чтобы посмотреть на Боба. Этот кот умел привлекать к себе внимание! Когда начало темнеть, я разговорился с женщиной средних лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/dzheyms-bouen/ulichnyy-kot-po-imeni-bob-kak-chelovek-i-kot-obreli-nadezhdu-na-ulicah-londona/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

Купить: https://tellnovel.com/ru/dzheyms-bouen/ulichnyy-kot-po-imeni-bob-kak-chelovek-i-kot-obreli-nadezhdu-na-ulicah-londona-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить